© 2020. И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Лечение и смерть Н. В. Гоголя: факты и вымыслы

Среди спорных вопросов биографии Гоголя важнейшее место занимает проблема его последних дней. Этот завершающий этап жизни писателя раскрывает его малоизученные взгляды на духовные способы исцеления от болезни. Устанавливается, что именно эти представления определили характер отношения Гоголя к медицинской помощи незадолго до его кончины. В статье затронут широкий круг проблем, связанных с врачебной практикой в первой половине XIX в. Обращается внимание на безуспешность долгого лечения Гоголя и его друга поэта Н. М. Языкова на главных европейских курортах, у многочисленных медицинских светил того времени. Выявляется апокрифичность некоторых сведений, сообщаемых в мемуарах о Гоголе штаб-лекаря А. Т. Тарасенкова, присутствовавшего при последних днях жизни писателя. Недостоверность сообщений медика-мемуариста объясняется его прагматическим подходом в отстаивании корпоративных интересов врачебного сословия, в ущерб подлинному облику Гоголя. Впервые устанавливаются личности нескольких авторитетных докторов, лечивших Гоголя за границей. Содержание последних дней Гоголя вписано в контекст его давних представлений о промыслительном значении ниспосылаемых недугов, которые писатель рассматривал как предупреждающие «дорожные знаки», призывающие любого человека к поискам верной дороги, а художника, кроме того, — к усовершенствованию его писательской деятельности, к творческому и молитвенному подвигу.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретация, мемуары, медицина, танатология, летаргия, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25 а, 121069 г. Москва, Россия
E-mail: info@imli.ru

Дата поступления: 30.04.2020

Дата публикации: 11.09.2020

Для цитирования: Виноградов И. А. Лечение и смерть Н. В. Гоголя: факты и вымыслы // Два века русской классики. Т. 2. № 3. С. 6–41.

DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-6-41>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Igor' A. Vinogradov

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Treatment and death of Nikolai Gogol: facts and fiction

Among the controversial issues of Nikolai Gogol's biography, the problem of his last days occupies the most important place. This final stage of the writer's life reveals his poorly understood views on the spiritual methods of healing from the disease. It is established that it was precisely these ideas that determined the character of Nikolai Gogol's attitude to medical care shortly before his death. The article touches on a wide range of problems associated with medical practice in the first half of the 19th century. Attention is drawn to the unsuccessfulness of the long treatment of Nikolai Gogol and his friend, poet Nikolay Yazykov, at the main European resorts, with numerous medical luminaries of that time. The apocryphal of some information revealed in the memoirs about Nikolai Gogol of Aleksey Tarasenkov, army staff doctor, who was present at the end of the writer's life, is revealed. The unreliability of the medical memoirist's messages is explained by his pragmatic approach in upholding the corporate interests of the medical class, while neglecting Nikolai Gogol's original appearance. For the first time, the identities of several authoritative physicians who had treated Nikolai Gogol abroad are established. The content of Nikolai Gogol's last days is inscribed in the context of his long-standing notions of significance of ailments as benediction from providence; personally, the writer considered illnesses to be warning "road signs", urging patients to search for the right path, and as an artist, in addition, he strained to improve his writing, and that was his creative and prayer feat.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, interpretation, memoirs, medicine, thanatology, lethargy, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>, DSc in Philology, Chief Researcher, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia
E-mail: info@imli.ru

Received: April 30, 2020

Published: September 11, 2020

For citation: Vinogradov I. A. Treatment and death of Nikolai Gogol: facts and fiction. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 3, pp. 6–41. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-6-41>

Диагноз предсмертной болезни Н. В. Гоголя, ее история¹ и сама причина смерти являются одной из острых проблем, волновавших уже современников писателя и до сих пор обращающих на себя особое внимание. Гоголь болел много — и столь же много и долго лечился. Крепким здоровьем он не был наделен от рождения. Отношение к проблеме недугов не могло не найти отражения в его художественном творчестве. В частности, с христианским пониманием значения болезней прямо связано происхождение, на первый взгляд, только комической «меланхолии», в которую внезапно погружается, размышляя о своем «железном» здоровье, один из героев знаменитой гоголевской поэмы, помещик Собакевич. Физическое состояние этого хаживавшего на медведя «богатыря» таково, что не дает никаких поводов для лечения и, что еще более важно, — для духовного роста, т. е., согласно Гоголю, для возобновления через болезнь памяти смертной, — «скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформированный помещик»: «“Нехорошо, нехорошо. <...> Вы посудите, <...> пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело... <...> Нет, не к добру! когда-нибудь придется поплатиться за это”. Тут Собакевич погрузился в меланхолию» [Гоголь 2009. 5: 140].

Позднее свое отношение к болезням Гоголь откровенно высказал в одном из писем своей знаменитой итоговой книги «Выбранные места из переписки с друзьями», в статье «Значение болезней». С этой книгой он обратился к читателям за пять лет до кончины. Со смертью писателя обостренное внимание современников вызывала глава «Завещание», открывающая книгу. В самом первом пункте этой главы Гоголь поместил предупреждение не погребать его «до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения» [Гоголь 2009. 6: 9]. В объяснение этого предупреждения Гоголь подчеркивал: «Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты

¹ См.: [Виноградов 2018: 242–367].

жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться... Будучи в жизни своей свидетелем многих печальных событий от нашей неразумной торопливости во всех делах, даже и в таком, как погребение, я возвещаю это здесь в самом начале моего завещания, в надежде, что, может быть, посмертный голос мой напомнит вообще об осмотрительности» [Гоголь 2009. 6: 9–10].

Еще одно гоголевское напоминание о летаргии содержится в другой главе «Выбранных мест из переписки с друзьями», в статье «Исторический живописец Иванов»: «Клянусь, бывают так трудны положения, что их можно уподобить только положенью того человека, который находится в летаргическом сне, который видит сам, как его погребают живого, и не может даже пошевелить пальцем...» [Гоголь 2009. 6: 122].

Два этих упоминания об опасении оказаться в положении человека, которого «погребают живого», — не единственные у Гоголя. Мысль о погребении заживо, по-видимому, преследовала его на протяжении всей жизни. О летаргии Гоголь упоминал, в частности, в одном из самых ранних своих произведений, в повести «Страшная месть» («Мне пришла на ум забавная история: я вспомнила, как погребали моего мужа. Ведь его живого погребли...» [Гоголь 2009: 1/2, 237]), а также в двух своих ранних статьях, напечатанных в 1835 г. в сборнике «Арабески»: «О преподавании всеобщей истории» («Наконец на весь древний мир непостижимо находит летаргический сон, <...> страшная неподвижность, <...> ужасное онемение жизни...» [Гоголь 2009. 6: 277]) и «Последний день Помпеи» («Картина Брюллова — <...> светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полuletаргическом состоянии» [Гоголь 2009. 6: 288]). В 1839 г. Гоголь в письме к школьному другу А. С. Данилевскому замечал: «...На тебя страшно действует нужда. <...> Твой ум меньше всего <...> действует в это время, на него находит летаргическое усыпление...» [Гоголь 2009. 11: 238]. Спустя полтора года Гоголь сообщал М. П. Погодину о своем пребывании в Вене летом 1840 г.: «...В Вене <...> я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного [усыпления] бездействия, в котором я находился в последние годы и чему причиною было нервическое усыпление...» [Гоголь 2009. 11: 322]. «Страшный обряд казни» погребением заживо, который «долго потом все чудился» герою [Гоголь 2009. 1–2: 325], Гоголь описал в 1842 г. во

второй редакции «Тараса Бульбы». (Источником этой сцены ему послужило изображение обычаев Запорожской Сечи Д. Н. Бантышом-Каменским в «Истории Малой России» (1822), давно знакомой Гоголю¹.)

В декабре 1844 г. Гоголь писал также П. А. Плетневу: «Друг, ну что если <...> <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что всё, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, <...> что он не может произнести и слова в свое оправдание, [подобаясь тому, который, находясь в летаргии, слышит и видит, что его <...> зарывают живого в землю...] подобаясь находящемуся в летаргии» [Гоголь 2009. 12: 523]. Отзвуком размышлений о летаргии являются строки гоголевской «Авторской исповеди» по поводу толков критиков о «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложеньем» [Гоголь 2009. 6: 215].

Ранее уже отмечалось, что тревожившую Гоголя мысль о летаргии он мог почерпнуть из отдельного издания книги немецкого доктора медицины И. Г. Эллизена, вышедшей в свет в Петербурге в 1801 г.: «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизеном. С нем. перевел В. Джунковский» [Виноградов 2000: 356]. В книге немецкого врача, помимо врачебной практики занимавшегося активной масонской деятельностью (в 1788–1821 гг. он состоял членом нескольких европейских и российских лож [Серков: 925]), рассказано о многочисленных случаях преждевременного погребения мнимо-умерших за границей и в России.

В свою очередь, рассказы о летаргии откровенно антирелигиозного характера распространяли среди воспитанников Гимназии высших наук в Нежине (где учился Гоголь в 1821–1828 гг.) некоторые преподаватели, также входившие в противоправительственные ложи: профессор немецкой словесности Ф. И. Зингер, профессор французской словесности И. Я. Ландражин, профессор математических и естественных наук К. В. Шапалинский; младший профессор политических (юри-

¹ «...Ничто не могло сравниться с казнью убийцы: Козак, умерщвлявший другого, был бросаем в могилу, потом опускали на него гроб с телом убитого им товарища и засыпали их землею» [Бантыш-Каменский 1822: 16]. См. также: [Бантыш-Каменский 1830: 68].

дических) наук Н. Г. Белоусов. Составлявшие лишь малую часть среди других наставников гимназии (которым эти профессора себя противопоставляли), все четверо в 1830 г. были осуждены личным распоряжением Императора Николая I в связи с открытым в Нежине в 1826 г. так называемым «делом о вольнодумстве». Согласно показаниям, данным на следствии одним из учеников, А. А. Котляревским, семнадцатилетний воспитанник Н. В. Кукольник (известный впоследствии писатель), любимым наставником которого был упомянутый профессор Зингер, говорил ему, Котляревскому, в августе 1827 г. «о Религии Христианской <...> свои весьма дерзкие» слова: «...что Лазарь, которого Христос воскресил, не умирал, а находился только в летаргическом сне от напитка, Петром Апостолом ему умышленно данного» [Виноградов 2017. 1: 603].

Книгой И. Г. Эллизена и антихристианскими нападками нежинских «прогрессивных» профессоров на таинство Воскресения не ограничивается круг источников по вопросу летаргии, которые могли быть известны Гоголю до издания «Выбранных мест из переписки с друзьями». В 1831 г. в журнале «Сын Отечества и Северный Архив» была напечатана переводная, с французского, статья «Летаргический сон», где состояние летаргии также описывалось как возможность для каждого оказаться зарытым заживо: «...Горе несчастному, который соделался жертвою <...> ужасной ошибки! Сопровождаемый слезами родственников, <...> он приближается к вечному жилищу, в котором ожидают его пробуждение и отчаяние! <...> Могильщики, в окрестностях Женевы, заметили, что некоторые трупы в гробу перевернулись и сглодали свои руки; нет сомнения в том, что эти несчастные были похоронены живые... <...> Летописи Медицины представляют многие примеры сих ужасных ошибок, которые делаются предметом тщетного сожаления» [Летаргический сон: 181–183].

Кроме этих публикаций, опасения быть погребенным в летаргии, по-видимому, были навеяны Гоголю рядом соответствующих статей «Журнала Министерства Внутренних Дел», на этот раз 1840-х гг., — в тот период, который непосредственно предшествовал созданию итоговой гоголевской книги. В 1844 г. в министерском журнале, в статье «Заботливость Французов о предупреждении опасности погребения заживо мнимо-умерших», сообщалось: «...Во Франции закон предписывает строгие меры к удостоверению в действительности смерти покойников... <...> Несмотря на то, бывают и там ужасные случаи

погребения живых... <...> У нас принята против подобных случаев простейшая и благонадежнейшая мера: запрещение предавать тело погребению до истечения трех суток после смерти. Мера эта, исполняемая во всей буквальной строгости, лучше достигает цели, чем всякое свидетельствование, которое не может же никогда не ошибаться» [Заботливость французов...: 496–497]. Казалось бы, опасения по поводу судьбы мнимо-умерших были развеяны; сомнения на этот счет были отвергнуты официально. Но в 1846 г. читателей того же журнала извещали: «...Прочтите книжку, которую издало на днях <...> Министерство Внутренних Дел, под заглавием “О средствах к предупреждению погребения обмерших” (см.: [О средствах к предупреждению...]. — И. В.). <...> ...Гнилость в трупе обыкновенно оказывается на третий или на четвертый день по смерти, но иногда <...> через 20 дней... <...> ...<Мнимого> покойника <...> можно жесть <...> раскаленным железом, и он не окажет ни малейшего знака чувствительности, а между тем такой покойник все-таки может быть не покойником, а только обмершим... <...> Все это подробно развито и доказано в упомянутой, изданной Министерством, книжке... <...> В <...> изданной Министерством книжке предлагается немедленно приступить и у нас к устройству таких домов, под именем “упокойных”, <...> какие существуют за границу» [О погребении обмерших...: 453–455, 458].

Позднее протоиерей Е. А. Попов, говоря о случаях преждевременного погребения мнимо-умерших, указывал на значение этих фактов для воспитания памяти смертной: «...Слышимый рассказ о том, как иной обмерший в могиле стонал, как потом найден был с признаками страшной борьбы со смертью (изломанная крышка гроба, изорванная рубашка, искусанные персты), <...> ужасает. Да мы стараемся отдалять от себя подобные представления, будто и умирать нужно только другим, а не нам» [Попов: 1020]. А о том, что Промысл не оставляет человека в самом крайнем положении, может свидетельствовать житие св. апостола Иоанна Богослова, который завещал своим ученикам похоронить его живым: «...Повеле ископали себе гроб крестообразный, и в нем <...> погребесея жив» [Димитрий Ростовский 1764b: 390 об.]. «...Рече: привлекеше землю, мать мою, покройте мя; и целоваша его ученицы, и покрыша его даже до колен, и паки целовавшу их, покрыша его даже до выи, и положиша на лице его поняву, и тако целовавшие, плачущи зело, покрыша его вес<ь>ма» [Димитрий Ростовский 1764a:

137 об.]. «Слышавши о том братия, иже во граде, преидоша и откопаша гроб его, и не обретоша тела апостола...» [Димитрий Ростовский 1764b: 390 об.].

Опасения Гоголя быть погребенным заживо, в летаргическом сне, оказались, как известно, несостоятельными. Завещая в «Выбранных местах из переписки с друзьями» не погребать его тела «до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения» [Гоголь 2009. 6: 9], Гоголь исходил из того, что «единственный верный признак смерти есть *общая гнилость трупа*» [О погребении обмерших...: 454] — «то состояние, когда *мертвое тело, подлежа общим законам физической природы, подвергается разложению*» [О средствах к предупреждению...: 4]. Первый пункт гоголевского «Завещания» с буквальной точностью был исполнен в 1852 г. скульптором Н. А. Рамазановым. «Явные признаки разложения» скульптор обнаружил 21 февраля этого года, в день кончины писателя, когда снимал посмертную маску с лица покойного. В тот день, вернувшись домой, Рамазанов писал Кукольнику: «Когда я ощупывал ладонью корку алебаstra — достаточно ли он разогрелся и окреп, то невольно вспомнил завещание (в письмах к друзьям), где Гоголь говорит, чтобы не предавать тело его земле, пока не появятся в теле видимые признаки разложения, — после снятия маски можно было вполне убедиться, что опасения Гоголя были напрасны; он не оживет, это не летаргия, но вечный, непробудный сон!» [Виноградов 2018: 335–336]. Еще один современник, А. Н. Костылев, спустя несколько дней, 9 марта 1852 г., сообщал П. И. Бартеневу: «Сняли и маску, причем содрали несколько кожи с носа...» [Виноградов 2018: 336].

26 февраля 1852 г. заметку о снятии маски Гоголя Рамазанов напечатал в «Московских Ведомостях», где еще раз указал на «следы разрушения» тела писателя, замеченные как и им самим, так и помогавшим ему в изготовлении слепка стариком-формовщиком Барановым: «Когда я подошел к телу Гоголя, он не казался мне мертвым. Улыбка рта и не совсем закрытый правый глаз его породили во мне мысль о летаргическом сне, так что я не вдруг решился снять маску; но приготовленный гроб, в который должны были положить, в тот же вечер, его тело, наконец, беспрестанно прибывавшая толпа желавших проститься с дорогим покойником, заставили меня и моего старика, указывавшего на следы разрушения, поспешить снятием маски...» [Рамазанов: 260].

Как известно, Гоголь испытывал сильный страх перед смертью. Одной из причин страха — хотя, как думается, не главной, — по-видимому, и была мысль о летаргии. В 1852 г. после внезапной кончины Е. М. Хомяковой Гоголь говорил: «...Страшна минута смерти». Когда кто-то на это ему возразил: «Почему же страшна? Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отраднo думать, что он умрет», — Гоголь ответил: «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту» [Виноградов 2018: 240]. Однако несмотря на испытываемый страх, несмотря на опасение быть погребенным заживо, само понимание болезней и смерти было для Гоголя неразрывно связано с верой в участие Промысла в жизни человека.

Духовно-осмысленный, взвешенный характер носило само отношение писателя к современной медицине. Со своими недугами писатель на протяжении своей жизни обращался ко многим знаменитым докторам того времени. Известны имена более двух десятков лечащих врачей писателя, отечественных и зарубежных. Наибольшую роль в судьбе Гоголя в ранний, нежинский период сыграл директор гимназии в Нежине, доктор медицины, бывший лечащий врач Александра I, Иван Семенович Орлай [Виноградов 2005]. Одна из самых первых выписок Гоголя в его «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии», заведенной в 1826 г. в Нежине, — заметка «Аптекарский вес», появившаяся здесь именно благодаря Орлаю. Позднее, в 1840-х гг., неподдельное, исключительное уважение Гоголя среди врачей завоевал своими методами лечения самобытный австрийский целитель, один из основателей гидротерапии Винцент Присниц (Vinzenn Priesnitz; 1799–1851), владелец водолечебницы в местечке Грефенберг-Фрейвальдау при подошве Судетских гор, в Австрийской Силезии (ныне Приснитцовы Лазне в Есенике) (см. о нем: [Зелингер]).

В Грефенберге Гоголь впервые побывал в 1845 г. вместе с графом А. П. Толстым. Он лечился тогда у В. Присница после сожжения в июне 1845 г. первоначальной редакции второго тома «Мертвых душ» и составления завещания. Второе лечение в Грефенберге состоялось летом 1846 г. Однако интерес к методу Присница Гоголь проявил гораздо раньше. Скорее всего, это было связано с практикой подобного метода известным на Украине врачом, домашним доктором Гоголей М. Я. Трахимовским. А. О. Смирнова, со слов Гоголя, рассказывала о его семье: «Их домашним доктором был Трохимовский. Он по-сво-

ему лечил давно, до Гrefенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. “Бог, — говорил доктор, — так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье”» [Виноградов 2017. 1: 243].

С похожей духовной точки зрения Гоголь оценивал и водолечение австрийского врача. 30 мая (н. ст.) 1839 г. он сообщал о Приснице М. П. Балабиной: «Слышали ли вы о чудесах, производимых <...> медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч. и проч.? Я один из числа самых неверующих, <...> и всегда сомнительно качал головою, когда слышал, как вы внимали вздорам Фишера¹ или глотали ваши гомеопатические порошки и аллопатические гадости в виде микстур. Но <...> я <...> своими глазами видел такие чудеса...» [Гоголь 2009. 11: 233]. 18 июня (н. ст.) 1843 г. в письме к поэту Н. М. Языкову (страдавшему «спинной сухоткой» [Гоголь 2009. 12: 245]) Гоголь, пересказывая содержание письма к нему Ар. О. Россета из Гrefенберга, повторял: «...Не столько самая вода изумила меня своими действиями <...>, сколько гений исцеляющего ею, пред которым мы должны все поклониться, <...> грех на душах наших, если мы этого не сделаем. Это значит — не благоговеть перед величеством Божиим, вселившим в человека такое откровение...» [Гоголь 2009. 12: 248].

Сходное религиозное осмысление Гоголем врачебной практики гидропатов М. Я. Трахимовского и В. Присница, духовный взгляд на медицину, безусловно, не могли не встретить критики идейных противников писателя. В свое время один из гоголевских знакомых, западник П. В. Анненков (которого Гоголь относил к «господам, до излишества живущим в Европе» [Гоголь 2009. 15: 443]), заявлял о будто бы «страст-

¹ Вероятно, имеется в виду петербургский аптекарь Филипп Христиан Фишер (1797–1842), член Санкт-Петербургского Ученого фармацевтического общества в 1821–1824 гг., а также нескольких петербургских масонских лож (в 1810–1822 гг.) (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1821. СПб., <1821>. Ч. 1. С. 714; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1824. СПб., <1824>. Ч. 1. С. 596; [Серков: 836, 1088, 1089, 1106, 1111]; Николай Михайлович, великий князь; Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 366).

ном»¹, неразумном «увлечении» Гоголя лечением Присница. Вслед за В. Г. Белинским Анненков в своих мемуарах стремился доказать тезис о Гоголе как гениальном художнике, но ограниченном во взглядах мыслителе — художнике, будто бы обязанном своими произведениями не своей литературной одаренности, а состояниями транса, «поэтического сомнамбулизма» [Белинский: 286].

На самом деле, вопреки предвзятым суждениям Анненкова, никакого неумеренного восхищения методом Присница — слепого увлечения «мистическим значением грефенберговского способа лечения холодной водой» (как характеризовал гоголевскую оценку австрийского врача Анненков [Виноградов 2017. 3: 540]) — Гоголь не испытывал. Подозреваемого «религиозного фанатизма» по отношению к «чудесам» этого медика у Гоголя не было. Так, в 1842 г., в день своих именин 9 мая, Гоголь даже развлекал дам шутками, рассказывая «всякие пустяки об лечении Присница» [Виноградов 2017. 4: 78]. В последующих письмах к друзьям писатель высказывал не только шутливое, но и критическое отношение к некоторым крайним методам, практиковавшимся в Грефенберге. (См. подробнее: [Виноградов 2017. 3: 540–542].) Таким образом, ни о каких бурных восторгах Гоголя по поводу грефенбергского лечения говорить не приходится. 1 мая (н. ст.) 1845 г., он, в частности, писал Ар. О. Россету: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше от докторов и леченья. Припомните, что я и вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания, а довольствоваться просто утренним обливанием дома...» [Гоголь 2009. 13: 106]. В письме к Языкову от 8 января (н. ст.) 1846 г. — в период между двумя леченьями у Присница — Гоголь восклицал: «...Да будет во всем Божья воля! Жду от Него одного только помощи, Его одного только средства действительны и могут излечить меня» [Гоголь 2009. 13: 255].

Высокая оценка Гоголем лечения у Присница основывалась отнюдь не на «страстном увлечении», но на вполне трезвом и взвешенном подходе. Она проистекала из давних размышлений Гоголя об отличии истинного врачебного искусства от доходного ремесла. Эти гоголевские размышления, в частности, были связаны с памятью об отце. Незадолго до своей смерти в 1825 г. тяжело страдающий Василий

¹ См.: [Виноградов 2017. Т. 3: 540].

Афанасьевич, отправившийся лечиться в Лубны к местному штаб-лекарю Ф. П. Голованеву (занимался медицинской практикой в Лубнах в 1810–1827 гг.), писал жене в Васильевку: «...Голованев оставил меня лечиться у себя — сие для нас будет весьма разорительно, но что делать... <...> Бога ради старайтесь собирать деньги; ибо мне здесь много надобно» [Виноградов 2017. 1: 461]. Спустя две недели отец Гоголя покинул Лубны и еще через пять дней скончался. По собственному свидетельству Василия Афанасьевича, Голованев его «так залечил <...> и в такое привел <...> расслабленное положение», что в конце лечения он не мог «уже и говорить» [Виноградов 2017. 1: 465]. Много лет спустя штаб-лекарь Тарасенков, сообщая об убеждении Гоголя, будто «кишки у него перевертываются», приводил слова писателя о том, что «это болезнь его отца, умершего в такие же лета¹, [и притом от того, что его лечили] а прибегнуть к лечению не хочет, потому что эта болезнь и у отца сделалась смертельною от того, что его лечили» [Виноградов 2018: 270].

Представлением о враче как одном из «правлящих миром» ремесленников [Гоголь 2009. 6: 201–202], чьи занятия — с исключительной целью обогащения — подобны промыслам «законоведцев и нотариусов», «банкиров», «менял», «продавцов шелковых товаров и меховщиков» [Гоголь 2009. 8: 267], проникнуты строки раннего письма Гоголя к матери от 30 апреля 1829 г. из Петербурга, где он сообщал: «...Проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы <21 апреля>², помогла еще более истреблению денег...» [Гоголь 2009. 10: 100]. В послании от 2 февраля 1830 г. Гоголь также извещал мать, что «издержки на лекарства и лекарей» для бедняка «совершенно невозможны» [Гоголь 2009. 10: 129]. (Позднее о вызывающей меркантильности некоторых лечащих врачей Гоголя, докторов А. И. Овера и С. И. Клеменкова, сообщал в своих записках фельдшер А. В. Зайцев [Виноградов 2018: 318–319, 325].)

С мыслью о присвоении себе корыстолюбивым «врачом»-ремесленником имени истинного Спасителя и Врача (для тех, кто «в болезни своей взывал не Господа, а врачей»; 2 Пар. 16, 12) создавался Гоголем в Петербурге один из образов его ранней повести «Ночь перед Рождеством» (1832). В чудесном питании связанного с нечистой силой Пузатого Пацюка «варениками в сметане» (Пацюк — крыса; укр.), кото-

¹ Гоголь умер на 43-м году жизни, его отец — на 48-м.

² См.: Внутренние известия // Северная Пчела. 1829. 23 апр. № 49. С. 1.

рые *сами* лезли ему в рот, угадывается как бы наглядное изображение той власти, которую приобрел этот герой над селом своей репутацией целителя: «Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он [величайший] знахарь. <...> В последнее время его редко видали где-нибудь. <...> *Мирыне* (!) должны были отправляться к нему *сами*...» [Гоголь 1940. 1: 222, 453] (курсив мой. — И. В.).

Эта же мысль — о стремлении нечистого духа создать себе в глазах обращающихся к нему людей славу настоящего спасителя — воплощена Гоголем в «Вечере накануне Ивана Купала» (обращения Пидорки к знахарям и колдунье — вместо св. великомученика и целителя Пантелеймона [Виноградов 2000: 31, 53–55]), в «Ревизоре» — в имени лекаря-немца *Христиана* Ивановича *Гибнера*¹. Достаточно иронично изображение врача в гоголевской повести «Нос» (1835), где познания петербургского доктора, занимающего «лучшую квартиру в бельэтаже» [Гоголь 2009. 3–4: 57] (но, по его уверению, будто бы «никогда из корысти» не лечащего [Гоголь 2009. 3–4: 58]), мало чем отличаются от искусства «отворяющего кровь» цирюльника. (Ремесло цирюльника объединяло в себе в первой половине XIX в. профессии «парикмахера и фельдшера»².) В «Мертвых душах» с критикой врачей связаны упоминания о «ловком светском докторе», «немилосердно» засластившем микстуру, «воображая ею обрадовать пациента» [Гоголь 2009. 5: 30], а также об инспекторе врачебной управы, не принявшем надлежащих мер против повальной горячки, от которой в «лазаретах и в других местах» умерло «значительное количество» больных [Гоголь 2009. 5: 186].

Не избегая лечения у врачей, Гоголь на протяжении всей жизни рассматривал болезни как промыслительное средство воспитания человека и настоящим Врачом и Целителем считал Самого Бога. 23 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал матери: «Излишне заботиться о здоровье

¹ Гоголь, возможно, воспользовался в данном случае именем реально-го человека. В 1825–1833 гг. в Петербурге в управлении воспитательных домов Императрицы Александры Феодоровны служил кассиром чиновник Христиан Иванович Гибнер. Известны также три российских лекаря 1800–1830-х гг. с такой фамилией — московский штаб-лекарь Андрей Иванович Гибнер (статский советник), лекари Карл Гибнер и Иван Гибнер.

² См.: Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов. Издал С. Аллер. На 1823 год. СПб., 1822. С. 539.

грех. Нужно ввериться одному Богу: Он вылечит» [Гоголь 2009. 13: 308–309]. 15 июля (н. ст.) 1845 г. в письме к Смирновой Гоголь также замечал: «Наше выздоровление в руках Божиих, а не в руках докторов и не в руках каких-либо медицинских средств. Я думаю, что какое бы ни было предписано нам лечение, хотя бы оно даже и не вполне соответствовало нашему недугу и даже самый врач ошибся, но если мы во имя Божие и верой в Бога станем им лечиться, то всевышняя воля направит всё в исцеление нам» [Гоголь 2009. 13: 146].

В упомянутой статье (со знаковым названием «Значение болезней»), адресованной в «Выбранных местах из переписки с друзьями» графу А. П. Толстому, постоянному собеседнику Гоголя по духовным вопросам, писатель утверждал: «...Не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть. <...> ...Среди самих страданий иногда приходят ко мне мысли, несравненно лучшие прежних... <...> Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся!.. <...> Слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен» [Гоголь 2009. 6: 18–19].

Традиционно в исследовательской литературе указывается, что в этом письме Гоголь развивает общую для христианских писателей мысль о значении болезней и страданий человека для духовного возрождения. Эта точка зрения вполне обоснована и неоспорима. Однако очевидная общность этих размышлений Гоголя с святоотеческими наставлениями отнюдь не означает принадлежности его взглядов только к «общим» местам духовной литературы. Как всегда у Гоголя, высказанные им мысли не были заимствованы без глубокого постижения, они основаны на многолетнем опыте и неразрывно связаны с теми процессами, которые совершались в творческой лаборатории художника.

Ключ к пониманию гоголевского опыта, полученного в результате перенесения долгих, изнурительных болезней, лежит в заключительных строках статьи «Значение болезней». Подчеркивая промыслительный характер «всякого недуга», Гоголь писал: «Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла» [Гоголь 2009. 6: 19]. По убеждению Гоголя, болезнь дается человеку не только для смирения — что само по себе

очень важно, но и как прямое указание к перемене жизни, а художнику — еще и к усовершенствованию его писательской деятельности — как направляющий «дорожный знак» на творческом пути.

Эту мысль Гоголь считал нужным повторить в «Выбранных местах из переписки с друзьями» еще дважды. В статье о русской поэзии, обращая ее к своему больному другу, поэту Языкову, он писал: «...Болезнь дается только к ускоренью дела, если человек проникнет смысл ее... <...> Полюби потребное и нужное душе с такою силою, как полюбил прежде хмель юности своей, и вдруг подымутся твои мысли наравне со стихом, раздастся огнедышащее слово: изобразишь нам ту же пошлость болезненной жизни своей, но изобразишь так, что содрогнется человек от проснувшихся железных сил своих и возблагодарит Бога за недуг, давший ему это почувствовать» [Гоголь 2009. 6: 176].

Для Гоголя болезнь — это не только инструмент воспитания души, средство обретения ею покаянных и смиренных чувств, но и деятельное наставление на стезе творчества, в осуществлении того заветного труда, «на котором основана» вся «значительность» писателя, «та польза, которую <...> желает принести» его душа («Значение болезней» [Гоголь 2009. 6: 19]).

В другом месте статьи о русской поэзии Гоголь, размышляя опять о Языкове, добавлял: «Не попадает талант на свою дорогу, потому что не устремляет глаз высших на самого себя. Но Промысел лучше печется о человеке. Бедой, злом и болезнью насильно приводит он его к тому, к чему он не пришел бы сам. Уже и в лире Языкова заметно стремление к повороту на свою законную дорогу. От него услышали недавно стихотворенье “Землетрясение”, которое, по мнению Жуковского, есть наше лучшее стихотворенье» [Гоголь 2009. 6: 177].

Для Гоголя болезнь — это не только воспитательное средство, но еще и недвусмысленное, грозное предупреждение — побуждение Бога к человеку искать правильный путь. Именно это понимание Гоголем болезней как направляющего на верную дорогу промыслительного средства позволяет отчасти проникнуть в тайну его кончины, означенной предсмертным сожжением второго тома «Мертвых душ».

По Гоголю, проникнутый глубоким смыслом, промыслительный характер телесного недуга непременно предполагает, что несение физической болезни должно сопровождаться встречной работой духа, активным поиском нового содержания жизни и самого творчества.

Согласно свидетельствам писателя, сам он обрел такое содержание вскоре после отъезда за границу в 1836 г. вследствие множества болезней, сопровождавших его на протяжении более десятка лет, вплоть до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Вскоре после премьеры «Ревизора» Гоголь замечал в «Театральном разезде...»: «Я удалюсь: пустыня мне нужна...» [Гоголь 1949. 5: 390]. «И нынешнее мое удаление из отечества, — писал он В. А. Жуковскому от 28 июня (н. ст.) 1836 г., — оно послано свыше, тем же великим Провидением, ниспосылавшим все на воспитание мое» [Гоголь 2009. 11: 61]. В письме к Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь добавлял: «С тех [только] пор, как я оставил Россию, [началось мое внутреннее истинное воспитание] произошла во мне великая перемена. Душа заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей души к ее лучшему совершенству не в силах я был двинуться ни одной моей способностью... <...> ...Как воспитывалась незримо от всех моя душа — это известно вполне Богу. <...> Да и к чему рассказывать о том, какие вещества горели и перегорали во мне? <...> Скажу вам только то, что небесно милостив был ко мне Бог...» [Гоголь 2009. 13: 60–61].

В 1847 г. в «Авторской исповеди» Гоголь повторял: «После “Ревизора” я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочинения полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. <...> Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой (речь об осенних месяцах 1835 г., когда работа над “Мертвыми душами” была только начата. — И. В.). Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры... <...> Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатались истинно русские, коренные свойства наши (избрание Гоголем в качестве “характеров” первого тома “Мертвых душ” “истинно русских, коренных свойств” главных русских поэтов — Жуковского, Батюшкова, Языкова, Державина, Пушкина — произошло в первые месяцы следующего, 1836 года — ко второй половине января — феврале [Виноградов 2017а; 2017б]. — И. В.). <...> С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений. <...> Несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо. <...> Усилия

мои оканчивались почти всегда болезнью, страданиями и наконец такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякое занятие. Что мне было делать? Виноват я разве был в том, что не в силах был повторять то же, что говорил или писал в мои юношеские годы?» [Гоголь 2009. 6: 223–225, 227].

В то же время, предостерегая читателей от соблазна вслед за Белинским «делить» его творчество на две диаметрально противоположные части, Гоголь тут же подчеркивал: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою. <...> От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, которые пропускаются без внимания людьми, — и я пришел к Тому, Который один полный ведатель души... <...> И только тогда, когда нашел удовлетворенье в некоторых главных вопросах, мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состоянья моей собственной души...» [Гоголь 2009. 6: 228].

В письме к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г., являющемся продолжением «Авторской исповеди», Гоголь, как и в «Выбранных местах из переписки с друзьями», вновь указывал на промыслительную, направляющую силу выпавших на его долю в ту пору болезней: «С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть “Мертвых душ”, как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. <...> И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой. (Согласно этому признанию Гоголя, наблюдения «над душой человеческой» были свойственны ему еще до того, как он «сделался писатель», т. е. в 1820-х гг., в период обучения в нежинской гимназии. — И. В.) <...> ...Как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с Тем, Который Один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познание души человеческой... <...> Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще... <...> С этих пор способность

творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы...» [Гоголь 2009. 6: 252].

О выстраданной душевным подвигом, в том числе перенесением тяжких недугов, книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребление, и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу...» [Гоголь 2009. 6: 236]. Дорожа тем опытом, который был приобретен им по мере духовного роста, в борьбе с «тяжкой болезнью», Гоголь добавлял: «...В книге “Переписка с друзьями” <...> есть <...> много того, что не скоро может быть доступно всем» [Гоголь 2009. 6: 248].

Говоря о многочисленных болезнях, которые перенес Гоголь, а также о тех духовных средствах, которые он употреблял для своего исцеления, следует подчеркнуть некоторые особенности его представлений о взаимозависимости и одновременно противоположности духовной и медицинской практик в преодолении недугов. Взгляды Гоголя на соотношение религиозной и физиологической составляющих в лечении болезней до настоящего времени не привлекали к себе внимания исследователей.

Анненков, вспоминая о пребывании с Гоголем в Риме весной 1841 г., сообщал: «Гоголь вставал обыкновенно очень рано... <...> На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой <...>, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста, а иногда и удваивал порцию. Это была одна из потребностей того длинного процесса самолечения, которому он следовал всю свою жизнь. Он имел даже особенный взгляд на свой организм и весьма серьезно говорил, что устроен совсем иначе, чем другие люди, и, если не обманывает меня память, с каким-то извращенным желудком. Я относился тогда несколько скептически к его жалобам на свои немощи, и помню, что Гоголь возражал мне с досадой и настойчиво. “Вы этого не можете понять, — говорил он, — это так: я себя знаю”» [Виноградов 2017. 3: 536–537].

Осенью того же 1841 г. Языков также сообщал брату: «Гоголь рассказывал мне о странностях своей (вероятно, мнимой) болезни: в нем-де находятся зародыши всех возможных болезней; также и об особенном устройстве головы своей и неестественном положении желудка. Его будто бы осматривали и ощупывали в Париже знаменитые врачи и нашли, что желудок — вверх ногами!» [Виноградов 2017. 3: 575].

Сколько шуточного, сколько серьезного было в этих «признаниях» Гоголя о его «перевернутом» желудке — неизвестно. Но современники принимали эти уверения всерьез. Штаб-лекарь А. Т. Тарасенков, познакомившийся с Гоголем незадолго до его кончины, сообщал, что тот, отказываясь за общим столом от многочисленных блюд, объяснял это тем, «что он чувствует что-то в животе, что кишки его перевертываются» [Виноградов 2018: 270]. В самом начале своих воспоминаний о писателе Тарасенков замечал: «Гоголь нередко говаривал, <...> что у него особенная натура, на которую все влияния действуют не так, как на всех других, и что его нельзя лечить на одну мерку, со всеми. Он относил свои слова к материальному устройству своего тела... <...> Не имея, кажется, даже самых поверхностных сведений о устройстве тела и вообще ни о какой медицинской науке, он приписывал большую важность действию на здоровье некоторых незначительных предметов. <...> Об лекарствах *аптечных* он имел понятие как об ядах, решительно отказываясь от них, и если принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали об его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей. Так он покупал за границу какие-то хваленые пилюли и иногда употреблял их. Лечение холодною водою у Пристница лет пять до смерти он исполнял неточно, разбавляя холодную воду теплою, <...> и вскоре, не окончив курса, бросил это лечение» [Виноградов 2018: 303].

Из приведенных воспоминаний Тарасенкова перед читателем встает образ Гоголя — упрямого пациента, абсолютно невежественного в вопросах медицины и при этом отказывающегося лечиться у профессионалов. Доверять этим свидетельствам можно лишь в весьма незначительной степени. Следует иметь в виду, что Тарасенков видел Гоголя в жизни только четыре раза: он познакомился с писателем 22 января 1852 г. (в то время Гоголь был еще здоров), а затем провел у постели умирающего только три дня (16, 19 и 20 февраля 1852 г.) [Виноградов 2018: 306–307].

На определенное несоответствие столь малого срока общения Тарасенкова с Гоголем и весьма значительного объема сообщаемых им сведений о писателе обратили внимание еще современники. Один из них по поводу мемуаров Тарасенкова замечал: «...Г. Тарасенков придает своей брошюре чрезвычайную важность, полагает, что она окончательно решает вопрос о последних днях жизни Гоголя... <...> ...Из его

статьи <...> всякий читатель имеет прямое право заключить, что автор действительно следил за последнею болезнью Гоголя во все продолжение ее развития... <...> А между тем из самой брошюры <...> оказывается, что г. Тарасенков вовсе не следил за последнею болезнью Гоголя, что он был призван тогда уже, когда великому поэту оставалось одно только — умереть!» [Назаров: 924].

Крайняя скудость времени, проведенного Тарасенковым у постели больного, не позволившая ему хоть сколько-нибудь узнать Гоголя, заставила мемуариста прибегнуть к отзывам и воспоминаниям о писателе других лиц. Установлено, что в своей статье Тарасенков пользовался рассказами о Гоголе по крайней мере трех его друзей и знакомых: графа А. П. Толстого, С. П. Шевырева, В. О. Шервуда, а также позднейшими, 1856 г., биографическими и эпистолярными публикациями, посвященными Гоголю, П. А. Кулиша и М. П. Погодина (см.: [Виноградов 2018: 306–307, 410]). Однако при этом Тарасенков нигде не ссылается на источники сообщаемых им сведений, желая, по-видимому, создать у читателя впечатление, что информация предлагается им «из первых уст».

Кроме неоправданного желания Тарасенкова выдать себя за близкого собеседника, чуть ли не друга Гоголя, в категорических суждениях врача-мемуариста нельзя не заметить определенной самонадеянности преисполненного своим высоким авторитетом врача, не сомневающегося в достижениях современной ему медицины. Предвзятость Тарасенкова в его мемуарах особенно заметна в приведенном выше его суждении о том, будто Гоголь — известный всем своим незаурядным умом, признанный всеми гениальный писатель, будто бы невежественно и суеверно отзывался о «лекарствах аптечных» как о ядах.

Можно заметить, что «легенда», по которой Тарасенков выстраивает свои воспоминания о «странностях» Гоголя, полностью укладывается в слова самого писателя о недалеких, суеверных чиновниках в десятой главе первого тома «Мертвых душ»: «Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни, которая, Бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни» [Гоголь 2009. 5: 200]. Эти строки являются «продолжением» реплики комического персонажа «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Что вы скажете,

милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей» [Гоголь 2009. Т. 1/2: 254].

О мнимости негативного отношения Гоголя к медицине говорит также то, что сам он в конце жизни снабжал сестру Ольгу медицинскими пособиями для лечения крестьян в деревне и помогал ей организовывать для этого аптеку.

Кроме этих общих соображений, есть и частные, вполне конкретные факты, указывающие на то, что Тарасенков в своих мемуарах был далек от стремления передать подлинный облик Гоголя, но руководствовался узкими корпоративными интересами. Из сравнения двух редакций мемуаров Тарасенкова — черновика воспоминаний, который мемуарист не предназначал к печати, и журнальной публикации — с очевидностью выясняется, что в приведенных суждениях мемуариста о последних днях жизни Гоголя, которые выставляют писателя ограниченным суевеком, нашло отражение неблагоприятное стремление самого Тарасенкова скрыть очевидную ошибку медиков, которая незадолго до кончины Гоголя стала причиной смерти другого пациента. Предвзятое суждение Тарасенкова о Гоголе представляет собой намеренное искажение рассказанной им самим в черновой редакции мемуаров истории о том, как за месяц до смерти Гоголя умерла, 26 января 1852 г., Е. М. Хомякова — родственница близких друзей писателя, сестра Н. Я. Языкова и жена А. С. Хомякова, давний духовный друг самого Гоголя.

6 апреля 1852 г. Тарасенков в рабочей, черновой редакции своих мемуаров о Гоголе (впервые напечатанной лишь полвека спустя, в 1897 г.), сообщал: «Он <Гоголь> часто навещал ее, и, когда она была уже в опасности, при нем спросили у д<октора> Альфонского¹, в каком положении он ее находит, он отвечал: “Надеюсь, что ей не давали каломель², который может ее погубить!” Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан — он вбегает к графу <А. П. Толстому> и бранным голосом говорит: “Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!” К несчастью, больная действительно в скором времени умерла» [Виноградов 2018: 237].

¹ Речь идет об Аркадии Алексеевиче Альфонском (1796–1869), докторе медицины и хирургии, ректоре Московского университета.

² Каломель — минерал, хлорид ртути; токсичный препарат, применявшийся ранее в медицине как противомикробное средство.

В 1856 г. в журнальной статье «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» Тарасенков, пересказывая эту историю, удалил слова о «каломели» и профессоре Альфонском, свидетельствующие о непоправимой врачебной ошибке, а сделал акцент на «аптечных лекарствах» — так что в результате роковой просчет медиков был скрыт, тогда как Гоголь был выставлен в резко компрометирующем виде неумного, невежественного фанатика, с крайним неодобрением отзывающегося о лекарствах как ядах. В новой редакции мемуаров Тарасенков, вместо рассказа об ошибке медиков, сообщал: «Когда ему объявили, что она в опасности и что ей назначены были аллопатические аптечные лекарства, он в большом волнении прибежал к своему другу и предсказывал неминуемую гибель» [Виноградов 2018: 237–238].

В столь откровенной ангажированной защите Тарасенковым интересов врачей — в жертву которой без сожаления приносился подлинный облик Гоголя, — заключалась изрядная доля лукавства. Ошибка в лечении Хомяковой, приведшая к ее смерти в возрасте тридцати четырех лет, была действительно допущена врачами, и скрывать эту ошибку было непорядочно. 27 января 1852 г. родственник Хомякова В. И. Хитрово записал в своем дневнике: «Неожиданна была эта смерть женщины, полной жизни, в какую-нибудь неделю, что она была больна. По рассказам А<лексея> С<тепановича> <Хомякова>, доктора много виноваты в ее смерти тем, что они дали порошок (каломель), от которого она преждевременно родила, и умерла более от изнеможения сил, чем от болезни...» [Хитрово В. И., Хитрово Д. В.: 93]. Ю. Ф. Самарин, со слов Хомякова, также свидетельствовал: «...Екатерина Михайловна скончалась вопреки всем вероятностям... <...> Два доктора, не узнав болезни, которой признаки, по его словам, были очевидны, впали в грубую ошибку...» [Самарин: 129].

Безусловно, нельзя было назвать успешным и лечение нескольких врачами, вместе с штаб-лекарем Тарасенковым, самого Гоголя, тоже приведшее к смерти. Задним числом врач-мемуарист возложил вину за неудачное лечение на якобы отрицательное отношение к медицине самого писателя. Очевидно, что сомнительные «свидетельства» о Гоголе доктора Тарасенкова — почти случайного лица в окружении писателя — следует воспринимать критически.

Так, мемуарист заявлял, будто Гоголь не следовал назначениям врачей. Однако в пользу того, что писатель, напротив, не отказывался

от лекарств, назначаемых врачами, но всегда следовал медицинским предписаниям, говорит весьма давнее и вполне «привычное» для Гоголя общение на протяжении всей жизни с рядом русских и европейских знаменитостей врачебной науки того времени, лечение не только в Гrefенберге у В. Присница, но и на многих других известных европейских и русских курортах: от Крыма до Баден-Бадена, Мариенбада, Гастейна, Висбадена, Ниццы, Остенде, Карлсбада, Швальбаха, Эмса и др. На некоторых из указанных курортов Гоголь бывал не по одному разу. Обращаясь к врачам за помощью, писатель искал совета медицинских светил отнюдь не по принуждению, а по собственной инициативе. (Гоголь делал это, по его признанию, вследствие «малодушия своего», по причине недостаточного упования на Промысл; см.: [Гоголь 2009. 13: 176].) Среди многочисленных докторов, лечивших Гоголя, были прославленный петербургский лейб-медик Н. Ф. Арендт, широко известные в России и Европе врачи И. Е. Дядьковский, С. Ф. Гаевский, С. И. Кричевский, Ф. И. Иноземцев, И. Г. Копп, Ж. Н. Маржолен¹, Г. В. Циммерман², К. А. Алерц³, Г. Д. Кине, К. И. Гартман, М. Й. Келиус, П. Крукенберг, К. Г. Карус, Л. Флеклес, И. Л. Шенлейн, А. И. Овер и др. Все они по своей компетенции, безусловно, превосходили начинающего штаб-лекаря Тарасенкова. Даже те «хваленые» заграничные «пилюли», о которых пренебрежительно отзывался Тарасенков, сообщая, что Гоголь «иногда» их употреблял (по словам Тарасенкова, Гоголь будто бы делал это по совету частных лиц, а не по назначению врачей), судя по всему, выписал ему в Париже не

¹ «MARJOLIN (Jean Nic.), zu Paris, Med. Dr.» [Callisen 1842: 236]. В 1828 г. хирург и патолог Жан-Николя Маржолен (Маржолини, 1780–1850) впервые описал пациента с послеожоговым рубцом, края которого получили злокачественное изменение; с тех пор рак, развивающийся в рубцах, носит название «язва Маржолена» (Marjolin's ulcer).

² «ZIMMERMANN (Heinrich Wilhelm, Edl<er> v<on> <из дворян; нем.>)...» [Callisen 1845: 375]. С 1835 г. Г. В. Циммерман служил главным врачом в австрийском военном госпитале в Виченце. В 1836 г. в Парме была издана его книга о мерах по предотвращению итальянской холеры. Во второй половине 1830-х — 1840-х гг., вероятно, именно он лечил русских художников (и Гоголя) в Риме и Неаполе (в мемуаристике и переписке современников доктор Циммерман упоминается как лицо из окружения Гоголя 1837–1847 гг. без инициалов).

³ Личный врач римского папы Григория XVI; упоминается в переписке Гоголя и А. А. Иванова.

менее авторитетный европейский доктор медицины Д. Груби, знакомый Н. И. Пирогова.

По-видимому, в связи со смертью Гоголя Тарасенков испытывал серьезные опасения за профессиональную репутацию и авторитет опекавших писателя перед смертью медиков (в число которых входил и он сам, хотя и не в той преувеличенной степени, в которой он пытался представить свое участие). Кому хотелось попасть в число врачей, лечащих по принципу, подмеченному Гоголем в его «Ревизоре»: «Человек <...> если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет» [Гоголь 2009. 4: 222–223]. Образно говоря, тяжестью своих болезней и самой кончиной Гоголь «провел» неожиданную «ревизию» состоянию медицинской науки его времени. Результат ее оказался не в пользу медиков, так что, спасая репутацию, вину за неэффективное лечение Тарасенков некоторым образом попытался возложить на самого покойника.

Эта цеховая предвзятость, характерная для воспоминаний Тарасенкова, его «корпоративное» мышление — поведение, напоминающее (хоть и отдаленно, но вполне очевидно) повадки героев другой гоголевской комедии, посвященный карточным игрокам, могут служить косвенным пояснением, почему Гоголь, несмотря на частые обращения к заслуженным медикам, несмотря на сугубо уважительное отношение к методу Присница, порой испытывал резонное недоверие к современной ему медицине. Каким авторитетом могла пользоваться в то время врачебная наука, если, согласно журнальным публикациям, ее уровень порой не обеспечивал даже того, чтобы с уверенностью отличить летаргию от действительной смерти¹? Иначе говоря, Гоголь отнюдь не сторонился врачебной помощи: он всегда хотел лечиться — и по возможности лечился у наиболее сведущих докторов, но, увы! лечение в большинстве случаев оказывалось безрезультатным. «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра», — спокойно, но с уверенностью в надвигающейся кончине, сказал Гоголь в первый же день, когда Тарасенков в качестве врача был приглашен к его постели [Виноградов 2018: 302]. Неоднократное лечение у общепризнанных авторитетов российской и западноевропейской медицины пользы ему почти никогда

¹ «Самые опытные люди, самые ученые испытатели человеческой природы признали в сем отношении несовершенство человеческих познаний...» [О средствах к предупреждению...: 3–4].

не приносило. Поэтому скептическое отношение к врачебной практике и к ограниченной в средствах, зараженной модным масонством медицине он высказывал неоднократно, и всякий раз мотивировал свое недоверие вполне основательно: без тех нелепых, суеверных крайностей, которые приписывал ему штаб-лекарь Тарасенков.

Так, 26 февраля (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Данилевскому: «Какой доктор, хотя бы он знал донага всю натуру человека, может нам определить нашу внутреннюю болезнь? Бедный больной иногда имеет над ним по крайней мере то преимущество, что может чувствовать, где, в каком месте у него болит, и по инстинкту выбирает сам для себя лекарство» [Гоголь 2009. 12: 177].

14 февраля (н. ст.) 1844 г. он писал также Погодину: «Основываясь на признаках и подобиях, лучшие врачи бывали причиною смерти больного, ибо по вскрытии трупа оказывалось, что эти признаки были произведены другою болезнью и потому, как бы ни казалось, что больной врет и несет вздор, но не следует врачу пропускать без внимания болезненный голос больного, когда он говорит: у меня не там болит и не в том месте, где вы думаете» [Гоголь 2009. 12: 324–325].

В декабре (н. ст.) 1844 г. Гоголь писал Плетневу: «...Если человек уже дошел до того, что может видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней идти. <...> И как сказать ему: ты делаешь не так? Животное, когда заболит, ищет само себе [внутренним инстинктом] траву и находит ее, и такое лекарство для него полезнее всех тех, [какие бы ни предписали ему] какие предпишут ему самые умнейшие врачи. <...> Бог весть, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тех самых признаках, и принимали одну болезнь за другую» [Гоголь 2009. 12: 521, 523].

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь повторял: «Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мертвый труп» [Гоголь 2009. 6: 248].

12 сентября (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал Жуковскому: «...Я тогда только и чувствовал себя хорошо, когда бывал в дороге. Дорога меня спасала всегда, когда я засиживался долго на месте или попадал в руки докторов, по причине малодушия своего, которые всегда мне вредили, не зная ни на волос моей природы» [Гоголь 2009. 13: 176].

После медицинского осмотра в Берлине у доктора И. Л. Шенлейна Гоголь 1 октября (н. ст.) 1845 г. писал графу А. П. Толстому: «...Подумавши обо всем строго, я решил внутренне последовать пословице: “Людей расспрашивай, а держись своего разума”. Умными советами воспользуйся, а изучай в то же время свою собственную натуру для того, чтобы уметь применить к ней умные советы» [Гоголь 2009. 13: 187].

Однако главное заключалось вовсе не в этом «противостоянии» Гоголя в «борьбе» за свою жизнь и здоровье с лечившими его докторами. Проблема в значительной степени состояла в особом духовном призвании писателя, в понимании им промыслительного характера ниспосылаемых недугов. 1 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь, в частности, сообщал матери и сестрам: «Средства простые мне всегда помогали, как-то: дорога, воздух и холодная вода; лекарства же только расстраивали, а потому я давно их бросил, уверившись, что один Бог наш доктор и что Его одного должно молить о излечении» [Гоголь 2009. 13: 313]. 2 февраля 1852 г. Гоголь писал также слепцу И. И. Барановскому: «Облегченья в моих недугах ничему другому не могу приписать, как только молитвам тех добрых людей, которые обо мне молились. <...> Все леченья медицинские, сколько припомню, мне не помогали, кроме только одних освежительных холодных вытираний наружных с солями и морские ванны» [Гоголь 2009. 15: 467].

Для осмысления заветных взглядов Гоголя на способы исцеления от болезни особого внимания заслуживают три его письма к тяжело страдавшему другу Николаю Языкову 1843–1844 гг. (Языков скончался в 1846 г. в возрасте сорока трех лет после продолжительного безуспешного лечения у европейских знаменитостей. Почти в том же возрасте, в сорок два года, умер пять лет спустя, в 1852 г., Гоголь).

Без сомнения, передавая собственные способы избавления от недуга, считая своего приятеля таким же полноценным и столь же одаренным поэтом и художником, как он сам, Гоголь в письме к Языкову от 4 ноября (н. ст.) 1843 г. советовал: «...В душе у поэта сил бездна. Ежели простой человек борется с неслыханными несчастиями и побеждает их, то поэт непременно должен побеждать большие и сильнейшие. <...> Вследствие этого я перехожу отсюда прямо к твоей болезни. Мне кажется, что все мази и притирания надобно понемногу отправлять за окошко. Тело твоё возбуждали довольно, пора ему дать

даже необходимый отдых, а вместо того следует дать работу духу. На болезнь нужно смотреть, как на сражение. Сражаться с нею, мне кажется, следует таким же образом, как святые отшельники говорят о сражении с дьяволом. С дьяволом, говорят они, нельзя сражаться равными силами, на такое сражение нужно выходить с большими силами, иначе будет вечное сражение. Сам его не победишь, но, взлетевши молитвой к Богу, обратишь его в ту же минуту в бегство. То же нужно применить и к болезни. Кто замыслит ее победить одним терпением, тот просто замыслит безумное дело. Такого рода терпение может показать или бесчувственный, или упрямец, который стиснет на время рот свой и сокроет в себе боль, чрез что она еще сильнее потрясет весь состав его: ибо, вырвавшись плачем, она бы уже не была так сильна. Нет, болезнь побеждать нужно высшими средствами. Как бы то ни было, ведь были такие же люди, которые страдали от жестоких болезней, но потом дошли до такого состояния, что уже не чувствовали болей, а наконец дошли до такого состояния, что уже чувствовали в то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно, эти люди были святые. Но ведь они не вдруг же сделались святыми, вначале они были грешнее нас, они не в один день дошли до того, что стали побеждать и болезни и всё. Они стремились и стремленьем достигли до крепости духа, только постоянным пребыванием в этом вечном прошении о помощи окрепли они духом и привели его в беспрестанное восторгновение, могущее всё победить в мире. <...> Итак с помощью высшей возможно победить всякую болезнь. Естествоиспытатели могут и это чудо изъяснять естественным законом: именно, что состояние умиления и всего того, что умягчает душу, утишает и физические боли, делает их нечувствительными, расслабляя состав наш, подобно как операция переносится легко больным, если тело его предварительно расслаблено ваннами и диетами. Всё это так, и им можно отвечать на всё это то же, что сказано прежде. Но пусть они разрешат вот какую задачу: отчего в таком человеке, который достиг до этого состояния посредством расслабления или утишения нервного, отчего в душе этого человека вырастает такая страшная сила и крепость, что, кажется, нет ужасов, которых бы он не встретил бестрепетно? И отчего сами врачи, если заметят одну искру такой крепости в больном, то уже надеются на его выздоровление, хотя бы болезнь была слишком тяжела?» [Гоголь 2009. 12: 288–290].

Спустя три с половиной месяца, 15 февраля (н. ст.) 1844 г., Гоголь еще раз писал Языкову: «Есть средство в минутах трудных, когда страдания душевные или телесные бывают невыносимо мучительны; его добыл я сильными душевными потрясениями, но тебе его открою. Если найдет такое состояние, бросайся в плач и слезы. Молись рыданием и плачем. Молись не так, как молится сидящий в комнате, но как молится утопающий в волнах, ухватившийся за последнюю доску. Нет горя и болезни душевной или физической, которых бы нельзя было выплакать слезами. Давид разливался в сокрушениях, обливая одр свой слезами, и получал тут же чудное утешение. Пророки рыдали по целым дням, алча услышать в себе голос Бога, и только после обильного источника слез облегчалась душа их, прозревали очи, и ухо слышало Божий голос. Не жалея слез, пусть потрясется ими весь состав твой; такое потрясение благотельно. Иногда врачи употребляют все средства для того, чтобы произвести потрясение в больном, которое одно бы только пересилило болезнь — и не могут, потому что на многое не хватает физических средств. Много есть на всяком шагу тайн, которых мы и не стараемся даже вопрошать. Спрашивает ли кто-нибудь из нас, что значат нам случающиеся препятствия и несчастья, для чего они случаются? Терпеливейшие говорят обыкновенно: так Богу угодно. А для чего так Богу угодно? Чего хочет от нас Бог сим несчастьем? — этих вопросов никто не задает себе. Часто мы должны бы просить не об отращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла и о просветлении очей наших. Почему знать, может быть, эти горя и страдания, которые ниспосылаются тебе, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести в тебе тот душевный вопль, который бы никак не исторгнулся без этих страданий. Может быть, именно этот душевный вопль должен быть горнилом твоей поэзии» [Гоголь 2009. 12: 327–328].

В письме к Языкову от 2 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь добавлял: «Прежнее письмо твое навело на меня печальное расположение и родило то длинное письмо <от 15 февраля (н. ст.) 1844 г.>, которое я послал тебе перед этим и которым я силился помочь тебе, сколько было в мочь бедным силам моим, сколько мой внутренний опыт научил меня и сколько угодно было Богу вразумить меня. Теперь это письмо ты можешь спрятать подальше: оно не нужно тебе покуда. О нем можно вспомнить в какие-нибудь трудные минуты, от которых, впрочем, да

хранит тебя Бог. Я вспомнил, что позабыл в этом письме исправить одну ошибку. В одном месте я пропустил почти целую строку, и оттого вышла бессмыслица. Я сказал, что в твоих последующих стихах лиризм угаснул, и позабыл сказать безделицу: лиризм, стремящийся вперед не только одних поэтов, но и непоэтов, возводя их [в достоинство поэтов] в состояние, доступное одним поэтам, и делая таким образом и непоэтов поэтами. Вещь слишком важная, ибо из-за нее работает весь мир и совершаются все события. Всё стремится к тому, чтобы привести человека в то светлое состояние, о котором заранее предсказывают поэты» [Гоголь 2009. 12: 350–351].

Школьному товарищу Данилевскому Гоголь 13 апреля (н. ст.) 1844 г. тоже советовал: «Многое нам кажется невозможным, но потому, что наш ум не привык обращать на все стороны предмет и открывать возможностей всякого дела. Мы так устроены, что все должны приобретать насильно и ничего не дается нам даром. Даже истинной веселости духа не приобретешь до тех пор, пока не заставишь себя насильно быть веселым. Веселость я почувствовал только тогда, когда печали и томительные душевные расположения заставили меня устремиться к этой веселости. Минуты спокойствия душевного я приобретал, как противудая беспокойствам; сильные беспокойства заставили меня стремиться к спокойствию и часто находить его. Вот тебе отрывок из моей душевной истории. Воспользуйся, если что найдешь тут полезного и для себя, а нет — отложи его в сторону. Я говорю это впрочем так, как говорил в Нежине грек, продававший чубуки: “Вот чубук, цена 2 рубли; такой точно у Стефанеева 8 гривен; хочешь купи, хочешь не купи!” Никто, кроме нас самих, не может так верно узнать, что нам нужно, если мы захотим только об этом серьезно подумать» [Гоголь 2009. 12: 363–364].

Вероятно, с точки зрения некоторых медиков, Гоголь в своих представлениях о возможностях преодоления физической болезни работой духа, средствами усиленной молитвы был только самонадеян. Именно в таком свете изображает в своих мемуарах события последних дней Гоголя штаб-лекарь Тарасенков. Однако вся христианская история сохранила и продолжает являть бесчисленное множество случаев чудесного исцеления от болезни, даруемого по молитвам верующего. И это тоже вполне бесспорная, подлинная реальность — непреложный факт, достоверный не менее медицинского.

* * *

В «Авторской исповеди» Гоголь говорил, что открытая проповедь «неуместна», выглядит «странно» в устах светского писателя [Гоголь 2009. 6: 216]: «...Не мое дело поучать проповедью. <...> Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассуждениями» [Гоголь 2009. 6: 253]. В то же время по поводу открытой проповеди он с сожалением констатировал, что «многие» из священников, «уныли от множества бесчинств, возникнувших в последнее время, почти уверились, что их никто теперь не слушает, что слова и проповедь роняются на воздух и зло пустило так глубоко свои корни, что нельзя уже и думать об его искорененье» [Гоголь 2009. 6: 94]. Поэтому свою задачу как художника Гоголь видел в том, чтобы «читатель действительно почувствовал, что выведенное лицо взято именно из того самого тела, из которого создан и он сам, что это живое и его собственное тело»: «Тогда только сливается он сам с своим героем и нечувствительно принимает от него те внушения, которых никаким рассуждением и никакою проповедью не внушишь» [Гоголь 2009. 6: 235].

Эти соображения Гоголь относил не только к церковной проповеди и художественному творчеству, но и к науке в целом. В статье «О науке» он указывал: «Наука в нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не красноречием преподавателя... <...> Она поразит своим живым духом, из нее же исходящим... <...> У нас <...> всякий скучает, <...> когда ему дается слишком долгая инструкция и толкуют то, что он и сам уже смекнул... <...> Отсюда неуспех всякого изложения науки ходом немецкой философии. Проследи лучше наш ученый сам в себе науку, прежде чем стал ее проповедать, проживи так в беседе с нею, как монах живет с Богом, наложив молчание на уста свои. И когда уже совокупилась в тебе самом наука в одно крепкое ядро и содержишь ее в голове всю в не разрушаемой связи, — тогда можешь проповедовать ее. <...> Не заботься, тебя поймут. <...> ...У нас давно живет пословица: умный поп хоть губами шевели, а мы, грешные, догадываемся» [Гоголь 2009. 6: 344].

В статье «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» Гоголь добавлял: «Нет. Храни нас Бог защищать теперь нашу Церковь: Это значит уронить ее. Только и есть для нас возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашей мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть *Жизнь*. Благоуханьем душ наших должны мы возвестить

ее Истину. Пусть миссионер католичества западного бьет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает скоро высыхающие слезы, проповедник же католичества Восточного должен выступить так перед народ, чтобы уже от одного его смиренного вида, потухнувших очей и тихого потрясающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желанья мира, все бы подвинулось еще прежде, чем он объяснил бы самое дело, и в один голос заговорило бы к нему: Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей Церкви!» [Гоголь 2009. 6: 36].

В этих взаимодополняющих друг друга размышлениях самим Гоголем была сформулирована принципиальная особенность его как художника. И творчество, и жизнь Гоголя, и даже его смерть, заключают в себе характерную черту, без которой понимание его наследия невозможно. Она состоит в том, что, за исключением «Выбранных мест из переписки с друзьями», а также нескольких важных опытов создания сочинений в религиозно-нравственном жанре, доминантные, основополагающие основы его творчества открыто проповедническим, наглядно представленным образом в нем не преобладают, но они пронизывают его изнутри так, что неотразимой «пропагандой» и наглядной проповедью веры становится сама воплощенная в гоголевских произведениях жизнь. И как бы превратно ни изображал последние дни Гоголя медик-мемуарист Тарасенков, таким же, казалось бы, внешне не «победоносным», но, тем не менее, столь же последовательным утверждением духовных начал стала кончина писателя.

Отпевали Гоголя сразу «два храма»: один, университетский, Св. мученицы Татианы, — своими «стенами»; второй, приходской, Св. Симеона Столпника, — своим причтом. В Татьянинской церкви, на Моховой, проходило отпевание, а сам обряд совершали в этом храме священнослужители Симеоновской церкви, что на Поварской: духовник Гоголя иерей Алексей Соколов, диакон Иоанн Пушкин, дьячок Егор Линьков и пономарь Петр Марков [Виноградов 2018: 359].

Список литературы

<Бантыш-Каменский Д. Н.> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2. 324 с.

<Бантыш-Каменский Д. Н.> История Малой России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2. 223 + 62 с.

Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 259–307.

Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миро-
созерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.

Виноградов И. А. «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Нові гоголезнавчі студії. Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2(13). С. 14–55.

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванях к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18. (а)

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванях к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67. (b)

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809—1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: <В 14 т.> <Ленинград>: АН СССР, 1937–1952.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Москва; Киев: изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<Димитрий Ростовский, свт.> М<еся>ца Септїмврія в КС <26> день, Житие и труды святого славного и всехвальнаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова // <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. На три месяца первья, еже есть: Септїмврїй, Октоврїй и Ноемврїй. Київ: Киевопечерская Лавра, 1764. Л. 129 об.–137 об. (а)

<Димитрий Ростовский, свт.> М<еся>ца Маїа в И <8> день, Память святого славного и всехвальнаго апостола и евангелиста Христова Иоанна Богослова // <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых. На три месяца третия, еже есть: Март, Апрїлїй и Маїй. Київ: Киевопечерская Лавра, 1764. Л. 390 об. (b)

Заботливость Французов о предупреждении опасности погребения заживо мнимо-умерших // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1844. Ч. 7. С. 496–498.

<Зелингер Ю. Э.> Жизнеописание Викентия Присница, с портретом его. Соч. доктора Ю. Э. Зелингера. Перевод с немецкого. Издание В. Н. Дорошенко. СПб., 1853. 173 с.

Летаргический сон // Сын Отечества и Северный Архив. 1831. Т. XX. № 23. С. 181–191.

<Назаров Н. С., князь> Н. Н. Письмо к редактору // Санкт-Петербургские Ведомости. 1857. 20 авг. № 179. С. 924.

О погребении обмерших и средствах к предупреждению этого несчастья // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1846. Ч. 13. С. 445–458.

О средствах к предупреждению погребения обмерших. Напечатано по приказанию г. Министра Внутренних Дел <графа Л. А. Перовского>. <СПб.>: В Типографии Министерства, 1846. 92 с.

Попов Е., протоиерей. Общепринятые чтения по православно-нравственному богословию. В порядке десяти заповедей Божиих. 2-е изд. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1901. 1087 с.

Рамазанов Н. Московская городская хроника. Художественные известия // Литературный отдел Московских Ведомостей 1853 года, февраля 26-го дня, № 25-й. С. 260.

<Самарин Ю. Ф.> Отрывок из записок Ю. Ф. Самарина. (Сообщено баронессой Э. Ф. Раден) // Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 128–133.

Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.

<Хитрово В. И., Хитрово Д. В.> Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове / Публ., вступ. заметка и примеч. Е. Давыдовой // Наше наследие. 2004. № 71. С. 91–94.

<Эллизен И. Г.> Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизенем. С нем. перевел В. Джунковский. СПб.: В Типографии Государственной Медицинской Коллегии, 1801. 127 с.

<Callisen A.> Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser. Von Dr. Adolf Carl Peter Callisen. Copenhagen, 1842. Band 30. Len.-M. 501 s.

<Callisen A.> Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser. Von Dr. Adolf Carl Peter Callisen. Altona, 1845. Band 33. Th.-Z. 760 s.

References

Bantysh-Kamenskii D. N. *Istoriia Maloi Rossii so vremen prisoedineniia onoi k Rossiiskomu Gosudarstvu pri Tsare Aleksee Mikhailoviche, s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoianiiia sego kraia* [The history of Little Russia since it joined the Russian State under Tsar Alexei Mikhailovich, with a brief overview of the primitive state of this land]. Moscow, 1822, part 2, 324 p. (In Russ.)

Bantysh-Kamenskii D. N. *Istoriia Maloi Rossii. Ot prisoedineniia sei strany k Rossiiskomu Gosudarstvu do izbraniia v Getmany Mazepy* [History of Little Russia. From the accession of this country to the Russian State to the election of Mazepa's Hetman]. Moscow, 1830, part 2, 223 + 62 p. (In Russ.)

Belinskii V. G. *O russkoi povesti i povestiakh g. Gogolia* [About the Russian story and the stories of Gogol]. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: 13 vols]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953–1959, vol. I, 1953, pp. 259–307. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol — Artist and Thinker: Christian Foundations of Worldview]. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. «*Neobyknovennyi nastavnik*»: I. S. Orlai kak prototip odnogo iz geroev *vtorogo toma «Mertvykh dush»* [“The Unusual Mentor”: I. S. Orlay as the prototype of one of the heroes of the second volume of “Dead Souls”]. *Novi gogoleznavchi studii. Novye gogolevedcheskie studii* [New Gogol's studios]. Simferopol, Kiev, 2005, issue 2 (13), pp. 14–55. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu «Mertvykh dush»* [Blessed are the peacemakers. From the tale of two Ivanas to the idea of “Dead Souls”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], series 9, Philology, 2017, № 3, pp. 7–18. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu «Mertvykh dush» (prodolzhenie)* [Blessed are the peacemakers. From the tale of two Ivanas to the idea of “Dead Souls” (continued)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], series 9, Philology, 2017, № 4, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 tomakh* [The Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018 (In Russ.)

Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: 14 vols]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1952.

(In Russ.)

Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)], compilation, preparation of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, Vol. I–XVII. (In Russ.)

Dimitrii Rostovskii, saint. *Mesiatsa Septimvria v 26 den', Zhitie i trudy sviatogo slavnago i vsekhval'nago apostola i evangelista Ioanna Bogoslova* [The month of Septimvria on the 26th day, the life and works of the holy glorious and all valiant apostle and evangelist John the Theologian]. Dimitrii Rostovskii, saint. *Kniga zhitii sviatykh. Na tri mesiatsa pervyia, ezhe est': Septimvrii, Oktovrii i Noemvrii* [The book of the lives of the saints. For three months the first, the hedgehog is: Septimri, Octovrius and Noemvri]. Kiev, Kiev Pechersk Lavra, 1764. Sheet 129 turnover — 137 turnover. (In Church Slavonic) (a)

Dimitrii Rostovskii, saint. *Mesiatsa Maia v 8 den', Pamiat' sviatogo slavnago i vsekhval'nago apostola i evangelista Khristova Ioanna Bogoslova* [The month of Maya on day 8, Memory of the holy glorious and all valiant apostle and evangelist of Christ John the Theologian]. Dimitrii Rostovskii, saint. *Kniga zhitii sviatykh. Na tri mesiatsa tretia, ezhe est': Mart, Aprillii i Maii* [The book of the lives of the saints. For three months the third, the hedgehog is: March, April and May]. Kiev, Kiev Pechersk Lavra, 1764. Sheet 390 turnover. (In Church Slavonic) (b)

Zabotlivost' Frantsuzov o preduprezhdenii opasnosti pogrebeniia zazhivo mnimo-umer-shikh [Care of the French about the warning of the danger of the burial of alive, allegedly dead]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del* [Journal of the Ministry of the Interior], 1844, part 7, pp. 496–498. (In Russ.)

Zelinger Iu. E. *Zhizneopisanie Vikentii Prsnitsa, s portretom ego. Sochinenie doktora Iu. E. Zelinger* [Biography of Vincent Priest, with a portrait of him. The writing of Dr. Yu. E. Zelinger]. Translation from German. Edition V. N. Doroshenko. Sankt-Peterburg, 1853, 173 p. (In Russ.)

Letargicheskii son [Sopor]. *Syn Otechestva i Severnyi Arkhiv* [Son of the Fatherland and the Northern Archives], 1831, vol. XX, № 23, pp. 181–191. (In Russ.)

Nazarov N. S., prince. *Pis'mo k redaktoru* [Letter to the editor]. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* [St. Petersburg Gazette], 1857, August 20, № 179, p. 924. (In Russ.)

O pogrebenii obmershikh i sredstvakh k preduprezhdeniiu etogo neschastiia [About the burial of the dead and the means to prevent this misfortune]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del* [Journal of the Ministry of the Interior], 1846, part 13, pp. 445–458. (In Russ.)

O sredstvakh k preduprezhdeniiu pogrebeniia obmershikh [On the means to prevent

the burial of the fallen]. Printed by order of the Minister of the Interior. St. Petersburg, In the Printing House of the Ministry of Publ., 1846, 92 p. (In Russ.)

Popov E., Archpriest. *Obshchenarodnye chteniia po pravoslavno-nravstvennomu bogosloviu. V poriadke desiati zapovedei Bozhiikh* [Public readings on Orthodox-moral theology. In the order of the Ten Commandments of God]. St. Petersburg: Publishing of bookseller I. L. Tuzova Publ., 1901, 1087 p. (In Russ.)

Ramazanov N. *Moskovskaia gorodskaiia khronika. Khudozhestvennye izvestiia* [Moscow city chronicle. Art news]. *Literaturnyi otdel Moskovskikh Vedomostei 1853 goda* [Literary Department of Moscow Gazette 1853], February 26, № 25, p. 260. (In Russ.)

Samarin Iu. F. *Otryvok iz zapisok Iu. F. Samarina. (Soobshcheno baronessoi E. F. Raden)* [Excerpt from the notes by Yu. F. Samarin. (Reported by Baroness E. F. Raden)]. *Tatevskii sbornik S. A. Rachinskogo* [Tatev collection of S. A. Rachinsky.]. St. Petersburg, 1899, pp. 128–133. (In Russ.)

Serkov A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 1222 p. (In Russ.)

[Khitrovo V. I., Khitrovo D. V.] *Vospominaniia ob Aleksee Stepanoviche Khomiakove* [Memories of Alexei Stepanovich Khomyakov]. Publication, introductory note and notes E. Davydova. *Nashe nasledie* [Our legacy], 2004, № 71, pp. 91–94. (In Russ.)

Ellizen I. G. *Vrachebnye izvestiia o prezhddevremennom pogrebenii mertvykh, sobrannye Iogannom Georgom Davidom Ellizenom* [Medical news about the premature burial of the dead, collected by Johann Georg David Yelizen]. From the German language translated V. Dzhunkovsky. St. Petersburg, In the Printing House of the State Medical College Publ., 1801, 127 p. (In Russ.)

Callisen A. *Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser*. Von Dr. Adolf Carl Peter Callisen. Copenhagen, 1842, vol. 30. Len-M, 501 p. (In German)

Callisen A. *Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Verfasser*. Von Dr. Adolf Carl Peter Callisen. Altona, 1845, vol. 33. Th-Z, 760 p. (In German)